

Н. ЧУЖАК

Земляная мистерия

О пьесе «Мистерия-буфф» Вл. Маяковского

«Мистерия-буфф» — это первая попытка Вл. Маяковского эпически-изобразительно со стороны подойти к тому огромному и сложному комплексу, который внесла в наше творимое бытие революция.

Сочетание трагических исканий пролетариата, конвульсивно галлюцинирующими руками, в судорогах голода цепляющегося за призрак «восставших вещей», одновременно с буффонадой созидательного бессилия буржуазии — придают этой последней пьесе Маяковского характер исключительной новизны и самобытности.

Мы не будем касаться того, в какой мере удалась поэту эта новая задача — именно эпически (а не лирически, как в «Тринадцатом апостоле») осмыслить душу революции 1917—18 года: жизнь столько за последние три года набросала легенд, что образное осознание этих легенд сейчас же, вне психологического и по времени отхождения от них, есть предприятие нечеловечески трудное.

В качестве сатирического произведения «Мистерия-буфф» Маяковского счастливо воскрешает перед нами такое неповторяемое, казалось бы, по остроте и гибкости охвата явление родной литературы, как «Горе от ума» — с диалогом и афористикой едва ли не еще более блестящими, с эпическим самоотхождением писателя, пожалуй, еще более глубоким.

Как произведение огромного захвата социальной сатиры и характерности персонажей изумительной (поп, дама-истерика, купец, студент, святые, ангелы, черти), «Мистерия-буфф» должна, в случае ее постановки, иметь огромный художественный успех, а некоторые афоризмы, если не отдельные сценические положе-

ния ее, неминуемо приобретут «крылатость» («Кому бублик, кому дырку от бублика, это и есть демократическая республика» и масса других).

В отношении остроты диалога, гибкости фразировки, связанной с раскрепощением ритма, а равным образом и в отношении исключительной заостренности и блеска рифмы («Нас? нам? Спим, должно быть, выдумки сна!»), всегда неожиданной, но и никогда не нарочитой, это новое произведение Маяковского не имеет себе — даже у Маяковского! — равных.

Сила, однако, «Мистерии-буфф» — конечно! — не в ее сатире, как и не в ее трагичности: она — в слиянной неразрывности того и другого момента; она — именно в волнующем сочетании момента иронически-добродушного любования первыми, еще оцущью, неуверенными, шагами пролетариата с моментом трагического предвидения прорыва его в некое небывалое трагедийное действие, имеющее своим истоком фаустовский провал с вечным вращением обновляющегося вещества, включающее метерлинковское искание ради искания («Синяя птица») и завершающееся чудесным возвращением в раскрепощенный мир вещей.

Идее раскрепощения вещественного мира, идее преображения мира через восстание вещей нашим российским футуризмом с самого начала возникновения его уделено много внимания.

Еще Хлебников в 1907 году пишет две поэмы, посвященных этой идее (альманах «Садок судей»).

Одновременно Д. Бурлюк и другие строят свою живопись на сдвиге одухотворенных вещей.

Идее дифференциации вещей посвящает в 1913 году свою трагедию «Владимир Маяковский» автор будущей «Мистерии-буфф».

Диалектическая в своей сущности идея эта подводит русский футуризм к главной задаче, выпавшей на долю класса работников, исторической задаче перестройки всех вещей, задаче устройства уже здесь, на земле, «царства небесного».

Раскрепощение вещей — это и есть тот «рай земной», по поводу которого злорадствуют над коммунизмом его враги: это и есть чудесная галлюцинация чувств, поддерживающая творящий класс в его нечеловеческом подвиге.

У Маяковского изнемогающие путники галлюцинируют:

Ш о ф е р. Да, идет...
 Человек какой-то...
 Да, человек...

Старый, с посохом...
 Молодой, без посоха...
 Эх,
 идет по воде, что по суху!
 Ш в е я. Колокола, гудите!
 Вздыбливайте звон!
 Бросайте работу,
 Останавливайте заводы, —
 это он!
 Он шел, рассекая генисаретские воды!
 К у з н е ц. У Бога есть яблоки,
 апельсины,
 вишни,
 может весны стлать семь раз на дню,
 а к нам только задом оборачивался
 Всевышний, —
 теперь Христом заманивает в западню.
 Б а т р а к. Не надо его,
 не пустим проходимца —
 не для молитв у голодных рты.
 Ни с места! —
 не то рука подымется.
 Эй,
 кто ты?!..

Пришедший к путникам «обыкновенный человек», символизирующий как бы коммунизм, обращается к изверившимся массам с новой «нагорной проповедью»:

Араратов ждете?
 Араратов нету
 никаких,
 приснились во сне.
 А если
 гора не идет к Магомету,
 то и черт с ней!
 Не о рае Христовом ору я вам,
 где постнички лижут чай без сахару:
 я о настоящих земных небесах ору!..
 ... — Веди нас!
 где они?
 ... — Где?
 На пророков перестаньте пялить око,
 взорвите все, что читили и чтут, —
 и она, обетованная, окажется под боком —
 вот тут!
 Конец.
 Слово за вами. Я — нем...

Через нарочито-примитивные картины ада, цинично до смешного детского пугала вскрываемые трагическими обитателями земли, через наивно-добродетельные картины белесого рая, где-то там, на облаках, с толстовской постной святостью, также цинично обнаженные до буффонады, — картины, свойственные только футуризму с его кощунственным смешением «высокого» и «низменного» стилей, — ведет художник своих «нечистых» в ту обетованную (новой нагорной проповедью) землю, имя которой — Коммуна.

Перед ними — Иваново-Вознесенск... не Иваново-Вознесенск, Марсель... не Марсель, Шуя... не Шуя. Новый, небывалый мир!.. Земля!..

О х о т н и к. Будет морочить!
 Какая это земля!
 земля — грязь.
 Земля — ночи.
 На земле наработаешь — разинешь рот,
 а жирный такой придет и отберет...
 П р а ч к а. Земля, да не та:
 по-моему,
 для земли не мало ли пахнет помоями?

Характерен ответ преображенных революцией «вещей» (ненарочитость образа — «от прачки»):

— Революция,
 прачка святая,
 с мылом
 всю грязь лица земного смысла.
 Для вас —
 пока блуждали в высях —
 обмытый мир
 расцвел и высох...

И так прекрасны они, эти раскрепощенные, одухотворенные восстанием вещи, что крик восторга вырывается из уст:

Землица!
 Она!
 Родимая землица!
 — Запеть бы теперь!
 Закричать!
 Замолиться!
 — Товарищи вещи,
 знаете что:
 довольно судьбу пытаться —
 давайте, мы будем вас делать,
 а вы нас питать!

А хозяин навяжется — не выпустим живьем!
 Заживем?
 — Заживем!
 Заживем!..

И только бедная изверившаяся швея все еще боится поверить глазам, и трогательно, как ребенок, плачет (обратите внимание на ритм):

Раз
 вот так
 сидела галеркою.
 На сцене — бал.
 Травиата.
 Ужин...
 Вышла —
 и такой это показалась горькою
 жизнь!
 Грязь!
 Лужи!..

Существует старое положение об искусстве, принятое и реализмом и символизмом, о том, что истинный удел искусства — только ставить те или иные вопросы, но отнюдь не разрешать их.

Футуризм, повергший старые теории на землю, без особых слов отверг и это, унаследованное еще от классицизма, положение о художестве.

Искусство исстари болело тем, что художник замахивался на зло «скорпионами», но они падали на него «перевитые розами»; искусство бичевало зло, но действие бича фатально умерялось, будучи пропущено чрез сладость «эстетической эмоции».

Одни (эстеты) полагали в этом благословение художества; другие (реалисты) — проклятие его; и те и другие ставили этот вопрос.

Только футуризм — этот, воистину, «катехизис искусства сегодняшнего дня» (заостренного в грядущее) с его лубочными плакатами «железо-бетонных поэм», с его немым, торчащим криком дикаря из уст, с его мясным вгрызанием в нерв взывшей от боли современности, только футуризм дерзнул, даже не ставя самого вопроса, разрубить запутанный узел традиционной эстетики и тем как бы вывести себя за скобки «вечного».

Футуризм явно пожертвовал здесь «вечным» в угоду злободневности, перекинувшейся в отдаленное.

В этом — его природа.

И поэтому-то, может быть, футуризм — не искусство.

Он — нечто большее, чем искусство.

Он — жизнь.

Его программа (Маяковский):

Как вы смеее называться поэтом
и, sereneкий, чирикать, как перепел!
Сегодня!
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!..

Там, где старая немецкая легенда договаривается до своего рода *perpetuum mobile* обновляющегося вещества; там, где бесплотная легенда символизма упирается в *perpetuum mobile* искания, там цепкий футуризм «кастетом кроит» плакат:

— Коммуна!

Довольно алгебры мечтаний! Довольно философических колпаков! Идем!

Идем по градам и весям!
Флагами наши души развесим!
Вылазьте из грязи
все, кому
надоели койки ночлежных нар!
Городов граниты,
зелени сел —
наше все!
мир — коммуна!

— Отлично! Но ведь это — не искусство, это же — программа-минимум (вчерашня максимум) Р. К. П.!

И пусть! —

Нам написали Евангелие,
Коран,
потерянный и возвращенный рай,
и еще,
и еще
многое множество книжек —
каждая радость загробную сулит, умна и хитра.
Здесь —
на земле хотим
не выше жить
и не ниже
всех этих елей, домов, дорог, лошадей и трав!
Нам надоели небесные сласти, —
хлебище дайте жрать ржаной!
Нам надоели бумажные страсти, —
дайте жить с живой женой!

Там —
 в гардеробах театров
 блестящие оперных этуалей
 да плащ мефистофельский —
 все, что есть там!
 Старый портной не для наших старался талий.
 Что ж!
 Неуклюжая пусть
 одежда —
 да наша!
 Нам место!
 Сегодня —
 над пылью театров
 наш загорится девиз:
 «все заново!»
 Стой и дивись —
 занавес!..

...Может быть, эта «конкретно-программная» теория есть в сущности теория голодных галлюцинаций, — теория голодной тоски по «хлебище ржаном»?

Возможно!

Тем не менее, это единственная в настоящий момент *земляная* теория — теория тех, кто хочет, чтоб программа-максимум вчера сегодня уже становилась минимумом!

Отдайте же справедливость футуризму: его «галлюцинации» всегда были достаточно земляными! «Реальнейшая реальность» его удара властно стучится в ворота грядущего!

Иркутск

О т а в т о р а. Статья написана на основании первоначального варианта пьесы. Второй вариант, любезно присланный нам автором, не вносит в данную статью никаких *принципиально-художественных* поправок.

